

АЛЛА БОРИСОВНА ЛИХАЧЕВА

Вильнюсский университет

“То, что тебе по наследству передали родители”: русский язык в восприятии русскоязычных жителей Литвы

Анализ восприятия русского языка русскоязычными жителями Литвы производится на материале опросов, осуществленных в 2007–2012 гг. в ходе научных проектов “Использование языков и национальная самоидентификация жителей городов Литвы” и “Социолингвистическая карта Литвы”. Собранные сведения сопоставляются с данными, описывающими восприятие русского языка россиянами. Выделяются характеристики русского языка, общие для обеих категорий респондентов, а также те, которые отражают специфику отношения к русскому языку русскоязычных жителей Литвы.

Ключевые слова: русский язык, социолингвистические опросы, респонденты, глубинные интервью, восприятие русского языка.

В центре данной статьи — восприятие русского языка русскими и русскоязычными представителями других этнических групп Литвы, их оценка функциональных и эстетических качеств русского языка.

Интерпретация восприятия русского языка его носителями в Литве производится на фоне сопоставления с данными, описывающими восприятие русского языка россиянами [Попова 2007; Стернин 2005; Тавдгиридзе 2005], с выделением характеристик русского языка, общих для обеих категорий его носителей, а также тех, которые составляют литовскую специфику.

Вначале обратимся к данным переписи населения 2011 г., касающимся ситуации с русским языком и русскоязычным населением страны. Русский язык считают родным представители разных национальностей, и по численности его носителей в Литве он остается вторым после литовского единственным родным языком — он охватывает 7,18% населения. 56% жителей, считающих, что у них два родных языка, называют комбинацию из литовского и русского, 19% — литовского и польского, 14,4% — польского и русского, 2,1% — белорусского и русского, 1,6% — украинского и русского. 5,8% жителей Литвы называют себя

русскими, из них 87,2% говорят о том, что русский язык является их единственным родным языком [Lietuvos statistikos departamentas]. Подавляющее большинство русскоязычного населения Литвы — горожане, и самыми “русскими” городами являются столица Литвы Вильнюс, город-порт Клайпеда и Висагинас, возникший вместе с атомной электростанцией в 70-е годы прошлого века.

Возможность проанализировать некоторые аспекты взаимоотношений русскоязычных граждан Литвы¹ с родным языком представляют материалы двух социолингвистических проектов “Использование языков и национальная самоидентификация жителей городов Литвы. (Города и языки)” и “Социолингвистическая карта Литвы”, осуществленных в 2007–2012 гг. учеными Вильнюсского университета (среди которых и автор настоящей статьи), университетов Каунаса и Клайпеды, Институтов литовского языка и социальных исследований. Нас консультировали коллеги из Великобритании, Голландии, Италии и Швейцарии, где также проводились подобные исследования. В ходе первого проекта изучалось функционирование языков в различных сферах общественной жизни и языковой репертуар жителей крупнейших городов Литвы — Вильнюса, Каунаса и Клайпеды. Второй проект охватил малые города страны. В рамках обоих проектов было проведено количественное (социолингвистический опрос жителей городов и городков) и качественное (интервьюирование) исследование, целью которого было получить информацию о декларируемой национальности и этнической самоидентификации респондентов, о языках, которыми они владеют и пользуются в частной и общественной жизни, о выборе языка для получения образования, о “народном рейтинге” местных и иностранных языков, отношении респондентов к их родному языку, об установках относительно сохранения этого языка в семье и пр.

В соответствии с использованной в проектах международной методикой, опрашивались мужчины и женщины в возрасте от 15 до 74 лет. В Вильнюсе было опрошено 902, в Клайпедо 611, в Висагинасе — 60 респондентов (количественный аспект), кроме того, с жителями этих городов было записано 47 глубинных интервью (качественный аспект).

Согласно нашим опросам, 14% жителей Вильнюса являются русскими по национальности, а русский язык родным считают 27% населения столицы, в Клайпедо эти показатели таковы: 21,3% и 29%, в Висагинасе — 52% и 77%.

Дальнейшее изложение будет строиться с опорой на результаты проектов, опубликованные в двух коллективных монографиях [Miestai ir kalbos 2010; Miestai ir kalbos II. Sociolingvistinis Lietuvos žemėlapis

2013], в частности — в написанных мною главах этих монографий о русскоязычных респондентах в Вильнюсе, Клайпеде и Висагинасе [Liščiakov 2010; Liščiakov 2013]. В первой части статьи охарактеризуем восприятие русского языка участниками опросов в Литве, во второй — сопоставим проанализированный материал с наблюдениями российских исследователей.

I. Для анализа восприятия русского языка русскоязычными жителями Литвы в этой статье отобраны отдельные высказывания или более пространные фрагменты текстов интервью, в которых респонденты так или иначе формулируют свое отношение к русскому языку как к своему единственному родному или одному из родных языков². Различия в восприятии русского языка участниками интервью с одним родным или двумя родными языками, безусловно, могут стать темой отдельного исследования, однако в настоящей работе позиции названных категорий респондентов не разграничиваются.

Интервью были построены так, что ответы почти на все вопросы в той или иной степени позволяли судить об отношении участников интервью к их родному языку, к его месту в рейтинге языков, которыми респонденты владеют или которые ими воспринимаются как более или менее престижные, нужные, привычные. Были и прямые вопросы аксиологического порядка, связанные с тем или иным родным языком респондентов (литовским, русским, польским или каким-либо другим). В качестве примера приведу фрагменты двух интервью с русскоязычными респондентами, касающиеся именно этих вопросов:

И.³ *А скажите, пожалуйста, русский язык вам нравится, он представляет для вас какую-то эстетическую ценность? Он вам кажется красивым?*

Р. *Да, очень красивым языком, и... ну очень красивым. И нравится, и разговаривать, да и вообще, когда это твой родной язык, — как он может тебе не нравиться? Естественно, он самый лучший, самый красивый, и всё. Других слов нет (Ж, 31);*

Р. *Ну конечно: это мой родной язык. Для всех свой родной язык, наверное, кажется эстетичным, кажется хорошим (М, 47);*

Р. *Ну, он родной, красивый, естественно... (Ж, 57);*

Р. *Да, конечно. Так как сама русская, родители... (Ж, 30).*

Интересно, что в ответы многих респондентов входили интенсификаторы *конечно, естественно* как показатели неоспоримости их суждений о красоте русского языка, но одновременно — как свидетельство понимания того, что всякий родной язык именно так может и должен восприниматься его носителями.

Все прозвучавшие в интервью определения русского языка условно могут быть объединены в следующие типы:

- а) Для респондентов русский язык — в первую очередь, это **родной язык, семья, школа, родная культура, вера**: это язык детства; язык, на котором вырос; домашний язык; язык родителей; язык моей национальности; язык школы, в которой учился; язык той культуры, к которой приучают в семье; язык той культуры, которую ощущаешь и в которой знаешь, почему, и как, и для чего; через этот язык человек способен все воспринимать; это язык менталитета человека; это общение, это мировоззрение; только родной язык годится для общения с Богом, чтобы душевно отдаться этому.

Приведу развернутые фрагменты из интервью:

Р. *Мой родной язык русский... Это... то, что тебе по наследству подарили родители, как тебя вырастили в семье, на каком языке тебя учили говорить, какие традиции тебе родители привили... (Ж, 50);*

Р. *Наверное, национальность родителей в нас закладывает какую-то идентичность. Мы, наверное, как они... И мы просто следуем по их пути: и вера, и язык, и всё прочее, — наверное, нам задают родители, конечно, скорее всего... У людей у всех должны быть какие-то корни... (М, 47);*

Р. *Родной русский. Ну и польский, конечно. Польский в первую очередь, но, поскольку я училась в школе на русском языке, потому русский язык... Ну, я выросла на русском языке. И училась в школе и... Для меня русский язык близкий (Ж, 57).*

- б) Владение русским языком связывается с возможностью **самоидентификации**: чтобы считать себя русским, надо общаться, надо разговаривать на своем языке; если русский человек не знает русского, — он не будет русским; если не знаешь русского языка, зачем считать себя русским?

Относительно корреляции между знанием русского языка и этнической идентичностью респонденты были единодушны:

И. *Как вы можете объяснить, почему вы себя считаете русским? По каким признакам? И вообще, как вам кажется, по каким признакам в первую очередь можно определить, какой национальности человек?*

Р. *Ну, хотя бы потому, что я думаю на русском языке, а это очень важно. Потому что язык... значит, ты знаешь этот язык в совершенстве и пользуешься им постоянно, это сильно определяет... (М, 48);*

Р. *Язык, родной язык, если ты себя считаешь русским... то должен обязательно знать родной язык... Я всё-таки за то, что, если люди причисляют себя к какой-то национальности, то обязаны знать этот язык (Ж, 57);*

И. Скажите, что, по вашему мнению, самое важное для идентичности человека? Родной язык? Культура? Страна, в которой он родился? Национальность родителей? Как вы думаете? — **Р.** Мне кажется, тут много кое-чего, но мне кажется, самое главное — должен быть язык, те корни, которые там были, изучали же мы и литературу, и кинофильмы, публицистику всю русскую, поэтому я считаю, что для человека всё-таки должен быть вот его родной язык, и всё. Остальное прилагается (Ж, 74).

Добровольная основа для самоидентификации обнаруживается и в языке окружения, напр.:

Р. Я вообще полька, но считаю себя русской... Я живу в русском городе [Висагинасе], я общаюсь с русскоязычными людьми, я работаю, где все говорят по-русски ... Мы всегда себя считали русскими, и наши дети гуляют во дворе: “Мы русские, и всё”, и у нас здесь все русские (Ж, 31).

в) Участники опросов отмечают **прагматическую значимость** русского языка, но понимают, что в Литве он не относится к престижным языкам:

И. Скажите, пожалуйста, какой язык или какие языки, по вашему мнению, полезно было бы знать жителям Литвы? И какой язык, на ваш взгляд, является самым престижным в настоящее время? — **Р.** Минуточку, это два вопроса? Ведь “полезный язык” и “престижный язык” — это разное. И “полезный язык” — абсолютно ясно: для Литвы это — русский язык... Потому что... потому что даже никакой немецкий язык не сравнится с тем влиянием, которое Россия оказывает на Литву. Оказывает и будет оказывать. И поэтому, конечно, надо знать русский. Престижным сейчас в Литве является знание английского... место русского языка сейчас всё больше и больше занимает английский язык, и очень многие молодые люди довольно хорошо говорят сейчас по-английски. — **И.** Вы думаете, что он не столько полезный и необходимый, как престижный, да? — **Р.** Нет, он на самом деле, конечно, и полезный, потому что... опять же тенденция, что огромная часть молодых людей уезжает работать в Англию и в Ирландию, и для них как бы это не только престижно, но это и жизненно необходимо (М, 52);

И. А какой язык вам кажется самым нужным для жителей Литвы? Кроме литовского, конечно. — **Р.** Ну, я так думаю, что русский и английский. С этими двумя языками нигде не пропадёшь. А литовский? Литовский — да, но в Литве. И всё... Даже вот сейчас, касаясь темы языков, да? — литовцы отдают как на второй иностранный язык полностью на русский своих детей, потому что понимают перспективу русского языка везде за границей, и это очень хорошо. — **И.** А какой язык, по вашему мнению, сейчас воспринимается в литовском обществе как самый престижный? — **Р.** Престижный — наверное, английский (Ж, 31).

- г) В интервью подчеркивается **широкое распространение** русского языка, его **культурная ценность**, напр.:

Р. Я сама очень хочу, чтобы мои дети говорили на русском языке... Даже не с той точки зрения, что они должны быть русские, как я русская. Я просто считаю, что всё-таки знание языков в теперешнем мире очень помогает. И знание русского языка с практической точки зрения необходимо. — И. В Литве именно? — Р. Я считаю, что везде... потому что, ну... даже с экономической точки зрения Россия сейчас набирает силу, Россия достаточно имеет вес в мировом обществе, и люди многие интересуются русской культурой, потому что это большой рынок, это возможность расширять связи... И я бы очень хотела, чтобы мои дети говорили по-русски, потому что он один из основных языков в мире. Я уверена, что мои дети, когда они вырастут, они мне будут говорить спасибо за то, что я заставляла их учить русский язык (Ж, 24);

И. А какой язык вам кажется самым нужным для жителей Литвы? Кроме литовского, конечно. — Р. Конечно, русский, какой ещё? — И. А почему? — Р. Ну, потому что очень много передач на русском языке по телевидению, очень много интересных..., да и многие литовцы, очень много... смотрят русские концертные программы, передачи, песни... Ну, потому что культура очень богатая у русских (М, 47);

Р. В моём понятии есть язык, который открывает возможности, открывает двери и окна. И для меня вот эти два языка являются — русский и английский, потому что всё-таки это языки, за которыми стоят культуры, — огромные, мирового значения, — и знание этих языков даёт возможность приобщиться к этим культурам и обогатиться, и так далее... И ощущать себя лучше в этом мире. А “престижный”... Нет, у меня такого понятия нет (Ж, 45).

- д) Информанты отмечают значимость **эмоционального компонента** при восприятии и, что особенно обращает на себя внимание, при использовании русского языка: *горжусь, что я русский, потому что на самом деле страна великая и язык великий; [русский] человек сильный, значит, и язык чудный, сильный; русский язык — наш родной, ну просто наше — и всё; родной, потому и ценный; это дорогой для меня язык; эмоционально самый близкий язык; язык, которым приятнее всего пользоваться.*

Вот несколько более пространных цитат:

Р. Мне приятно говорить по-русски, особенно с людьми из России... Ну, какая-то ностальгия всё равно по другому, то есть для меня в удовольствие... что я говорю по-русски свободно... это большой плюс, я считаю (Ж, 24);

Р. Для меня, допустим, русский язык много значит, — то, что я могу читать

русскую литературу, я могу смотреть русские передачи, я могу смотреть русские фильмы прекрасные... Я могу поехать, ну — взять хотя бы Белоруссию рядом... ты можешь тоже общаться... и тоже на русском языке разговаривать... В Латвию чтобы ехать, здесь от нас Даугавпилс недалеко... и я с детьми была... Я горжусь, что я знаю русский язык, и мои дети... (Ж, 50);

Р. Я свободно говорю на литовском, с детства, я же литовскую школу заканчивала. Но, тем не менее, у меня русский остается родным. Ну то есть мне комфортнее общаться на русском — не в плане знания слов каких-то или оборотов — просто мне на нём... Ну, это язык души, что называется (Ж, 21).

- е) В интервью говорится об **эстетических и содержательных** достоинствах русского языка, его исключительном **соответствии канонам художественного творчества**: *красивый и очень богатый язык; самый любимый, самый красивый язык, которым можно выразить любое чувство; это самый шикарный язык; поэзия ни на каком языке не кажется такой красивой, как на русском.*

Приведу примеры рассуждений информантов:

Р. Очень объемный такой, то есть русским языком можно выразить много чувств, ну, много всего. Такой неоднозначный, неоднозначный язык (Ж, 57);

Р. Песни хорошо петь на английском... А писать произведения мировые, классику — только на русском, потому что ни один другой язык в мире, ну, вот в полной мере не имеет такой красоты, когда один предмет можно выразить десятью, пятнадцатью словами другими (Ж, 40);

Р. Очень красивый... Столько песен, баллад, стихов на русском языке... очень нравится. Поэты... и всё... Всё нравится на русском языке (Ж, 74);

Р. Он красивый, красиво звучит, если красиво разговаривают люди по-русски (Ж, 32).

Последний комментарий важен: большинство участников опросов критически оценивают общий уровень владения родным языком русскоязычным населением Литвы, напр.:

И. Как говорят по-русски русские Литвы? Хорошо, нормально? А может, забывают, делают много ошибок, говорят с акцентом — ваше мнение?

Р. Немножко забывают, правила изменились, и изучение русского языка изменилось в школе. Не так углубленно, поэтому они его досконально не знают уже — русские, живя в Литве. Как и наши дети, как и мы уже — много что забыли... правила. Поэтому где-то говорим неправильно, пишем неправильно (Ж, 46);

Р. В зависимости от места проживания: если мы возьмём Висагинас, то здесь ситуация гораздо лучше выглядит, — более грамотный русский язык. Если брать уже какие-то другие места Литвы, где всё-таки проживают компактно русские, — ну, тем не менее, там уже чувствуется влияние польское, влияние литовское. А это упрощает и обедняет речь... Иногда начинаешь забывать

русские слова и в памяти, так подсовывается, — слово на литовском. Так начинаешь задумываться: так, а по-русски это как правильно-то сказать? ...Я начинаю чувствовать, что язык начинает беднеть, если долго не читать, долго не разговаривать (Ж, 40);

Р. *Я считаю, что язык русский как-то умирает чуточку в Литве... (М, 21);*

Р. *Ну, конечно, уже с ошибками, и... литовские слова появляются, какие-то местные... местные наречия — польско-литовское, ударения ставятся неправильно, люди пишут с ошибками. Даже из моих знакомых, когда они пишут какое-то сообщение или письмо на русском языке, я замечаю ошибки. То есть люди, которые заканчивали русскую школу, они пишут уже с ошибками (Ж, 24).*

Респонденты отмечают, что россияне обращают внимание на их акцент и легко распознают в них иностранцев:

И. *Как вы думаете, в России по вашей русской речи вас опознали бы как неместного, не российского русского?*

Р. *Да, опознают, и говорят мне, что я говорю с акцентом, хотя сам я его не чувствую (М, 22);*

Р. *Как неместного — да, такое со мной уже случалось, но определить, откуда я, не смогли (М, 48);*

Р. *Мне говорили не раз, что есть балтийский акцент, вообще... что мы растягиваем гласные, у нас немножко другая интонация... Ну, и мы строим предложения по-другому (Ж, 21).*

ж) Очевидно, что для людей, живущих в иноязычном окружении и по преимуществу являющихся активными билингвами, актуальна **рефлексия собственного языкового существования**. Так, говоря о русском языке, респонденты отмечают: *когда говоришь на этом языке, можешь расслабиться; на этом языке можно передать наибольшее количество нюансов; к этому языку обращаешься, когда хочется широко сказать, красиво закрутить, употребить какое-то такое словечко, такое... для поисков; этот язык как никакой другой позволяет человеку проявить себя и т.п.*

Подобными “контрастивными” наблюдениями делились многие участники опросов. Вот характерные примеры:

Р. *Когда ты знаешь больше, чем один язык, иногда просто не хватает слов, чтобы выразить или просто не можешь в тот момент вспомнить какого-то нужного слова на своём языке, ... но их язык [о литовском] не такой богатый, как русский, потому что нету литовских соответствий каким-то чувствам, эмоциям или каким-то ситуациям (М, 21);*

Р. *Я вот как знаю русский, как знаю литовский, — мне кажется, они оба красивые... и столько слов, и столько выражений, и так же изъясниться красиво можно и на русском, и на литовском. А вот на английском уже этого как-то не скажешь, некоторых выражений, некоторых своих эмоций... — И.* *А вы хорошо*

владеете английским? — Р. Нет, не очень. — И. То есть, вы так думаете... — Р. Ну, во-первых, я учила в институте, в школе... Дети сейчас в Англии, и кое-что — ну так, чуть-чуть — знаю (Ж, 65);

Р. Красивый язык и он очень выразительный, ни в английском, ни в литовском языке я не встречал таких безграничных возможностей выразить свои мысли (М, 48);

Р. Ну, во-первых, русский язык не только красивый, но он многогранен. — И. Что вы имеете в виду? — Р. Ну, много слов, которых нет в других языках. Описание каких-то вещей и выражение каких-то мыслей, — много, ну, своеобразных, — как сказать? — ну, выражений, наверное, описаний всех этих. В других языках, как, например, в немецком, — такого нету. Они более — как-то не скажешь, что грубые, но — конкретные. Сказал — это так, вот так, и всё, не то что в русском... (М, 42).

В интервью упоминаются облегчение и удовольствие, возникающие при переходе с какого-либо другого языка на русский, напр.:

Р. ...Всё же слова по-другому надо расставлять, там, на английском, и, когда надо говорить быстро и много, устаёшь от этого. Когда говоришь по-русски, — то тебе проще. И, конечно, когда ты переходишь потом на русский, — у тебя ощущение, что ты уже не работаешь, а отдыхаешь. И на литовском языке... мне нравится разговаривать, но... уже когда надо говорить много, когда надо что-то формулировать, какие-то новые слова и предложения, то, наверное, на русском языке проще, потому что я могу говорить быстрее, могу говорить интереснее, разнообразнее (М, 24).

Респонденты отмечают самодостаточность русского языка:

И. Как вы оцениваете то, что многие люди в родном языке заимствуют слова из других языков? Например, русские используют какие-то литовские слова или английские. — Р. Я считаю, что это ненормально. Поскольку русский язык могуч и велик. И достаточно фраз, которые могут отражать твои мысли. И ни к чему его засорять другими словами, из другого языка (Ж, 45).

Однако в некоторых комментариях прямое или косвенное сопоставление русского языка с литовским оказывалось не в пользу первого, напр.:

И. Часто люди в своей родной речи допускают употребление слов или выражений из других языков... Вот вы знаете много таких примеров, когда литовцы в своей родной речи используют русские выражения?

Р. Ну... плохой пример, но мат, допустим. За что я в принципе и горжусь литовским языком, всем рассказываю, чем удивительный язык, что как такового мата в Литве просто-напросто нет. — И. В литовском языке? — Р. Да, и это как бы такой исключительный фактор, который выделяет его из многих языков. То есть, везде, где интересовался, в других странах, у людей, с которыми

я общался, все говорят, что всё в порядке у нас с этим, а у литовцев ... есть, конечно, какие-то слова, но это не мат. Какие-то оскорбления, но это не мат. Вот это одно из... что пришло в голову (М, 21);

Р. *В каждом языке есть какое-то количество... что-то можно выразить лучше. Я читал, что чукчи имеют, там, десятки разных слов, выражающих степень снегопада и так далее, но не имеют, там, слова “снег”. То же самое и в языках, на которых я разговариваю... По-английски можно очень конструктивно сформулировать свою речь... Литовский язык, — бывают какие-то фразы, наверное, в какой-то такой уменьшительно-ласкательной форме, — я, наверное, в литовском языке нахожу больше каких-то нюансов (М, 24).*

II. В отличие от использованного в наших проектах метода социолингвистической интерпретации материалов качественных опросов, исследования российских коллег выполнены в рамках лингвокогнитивной концептологии и опираются на результаты ассоциативных экспериментов, в которых концепт, обозначенный словосочетанием *русский язык*, выступает в качестве стимула. Кроме того, анализировались паремии и поэтические строки, посвященные русскому языку, а также высказывания русских писателей и публицистов о русском языке [см. Тавдгиридзе 2005]. Выявлено, что ядро концепта составляют признаки *богатый, красивый, сложный, выразительный, родной*, а так называемой дальней периферии принадлежит родовой когнитивный признак *средство общения*, реализуемый словами-реакциями *разговор, средство ежедневного общения, понимание* и т.п. [ibid., 211—212].

Обобщая результаты анализа семантики языковых средств, объективирующих концепт “русский язык”, исследователи выделяют следующие релевантные признаки этого концепта, выбирая гиперонимическую единицу в качестве имени признака: *богатый* (помимо самой языковой единицы *богатый*, к этому когнитивному признаку учеными отнесены определения *безграничный, разнообразный, содержательный* и под.), *красивый* (выделено в качестве самостоятельного когнитивного признака), *сложный* (*непостижимый, сложный для иностранцев* и под.), *выразительный* (*ласковый, нежный, яркий* и под.), *родной* (*наш родной/родимый, Родина, близкий* и под.), *грубый* (*мат, деградирующий*), *интересный* (*познавательный*), *хороший* (*лучший, славный*), *доступный* (*простой, знакомый*) [Попова 2007, 262—263].

По мнению И. Стернина [2005, 167], “в концепте доминируют позитивная эстетическая оценка языка и прагматическое представление о его трудности, объемности и необходимости”, а наиболее “яркими когнитивными признаками” признаются следующие: *красивый, богатый, сложный, нужный, родной, могучий, грубый, скудеющий*.

При сопоставлении восприятия русского языка русскоязычными жителями Литвы и россиянами становится очевидным, что у обеих категорий опрашиваемых русский язык вызывает по преимуществу положительные эмоции, имеющие вариативное, но содержательно сходное вербальное воплощение: носителям он кажется *красивым, родным, дорогим, богатым, великим, выразительным, многогранным, объемным* и т.п.

С другой стороны, в российских исследованиях обращает на себя внимание большое количество определений-олицетворений, которыми наделяется русский язык. Например, отмечаются такие его эмоциональные, интеллектуальные, нравственные качества, как *чувственный, страстный, веселый, умный, мудрый, благородный, щедрый, правдивый, честный* и т.п. [Тавдгиридзе 2005, 64–65]. Отдельные определения такого рода встречались и в проектных интервью (напр. *сильный, грамотный*), но их нельзя назвать типичными для русскоязычных жителей Литвы.

Заметное место в ответах российских респондентов занимают имена известных носителей русского языка: *Пушкин, Есенин, Толстой, Ленин, Путин, Горбачев* и др., топонимы: *Москва, Санкт-Петербург* и др. [ibid., 53–56]. Подобные ассоциации в рассуждениях русскоязычных респондентов Литвы не возникали — по-видимому, для них в принципе не характерна спонтанная апелляция к русскому прецедентному фонду.

Носители русского языка как в России, так и в Литве нередко характеризуют язык на основании привычных клише и мифологем (*великий и могучий, самый богатый* и т.п.), но живущие вне языковой метрополии — еще и на основании реального сравнения с другими языками, присутствующими в их окружении.

Специфика восприятия русского языка литовскими респондентами явно связана со спецификой языковой ситуации в Литве и их собственным “сознательным” билингвизмом, обуславливающим склонность к сопоставлению эстетических и — в особенности — функциональных качеств языков, к которым приходится ежедневно обращаться: по сравнению с общением на других языках (*общение на этом [русском] языке не воспринимаешь как труд; им приятнее всего пользоваться*; по сравнению с литовским языком в русском языке — *недостаточно уменьшительно-ласкательных форм* и т.п.). У российских респондентов не наблюдалось ассоциаций, которые можно было бы воспринимать как результат сознательного сравнения нескольких языков.

С другой стороны, в наших интервью не встретилось упоминаний о трудности русского языка, что имело место у россиян (по словам

И. Стернина [2005, 167], за реакцией *красивый* следующими по частотности являются *сложный, трудный*). По-видимому, это свидетельство того, что русскоязычным Литвы русский язык не кажется трудным на фоне доминирующего другого языка — не родного или не настолько же родного (вспомним определение литовского языка в одном из интервью: *их язык*), как русский.

Таким образом, сопоставление дает возможность судить не только о том, насколько схоже восприятие русского языка в языковой метрополии и за ее пределами, но и о том, какие стороны русского языка высвечивает для его носителей иноязычное окружение. В связи с этим уместно вспомнить мысль Т. Ю. Поздняковой о том, что “русский язык существует для билингвов в ипостасях, не привычных для монолингвального сознания” [Позднякова].

В целом анализ материалов проектных интервью говорит о том, что благодаря неоднородному языковому окружению в Литве русский язык становится по-особенному значимым и близким его носителям не только своими эстетическими достоинствами, — с ним связываются психологический комфорт и возможность наиболее адекватной вербальной самореализации. Действительно, если иметь в виду, что официальная сфера обеспечивается литовским языком (и всё более — английским), русский язык в сознании русскоязычных жителей Литвы, оставаясь языком наиболее близкой им культуры, оказывается в сфере нестрогого, интимного, дружеского общения, сам жанр которого не предъявляет к говорящим требований безукоризненной грамотности и предоставляет максимальную языковую свободу. Очень точно владение родным языком именно в таком его “ранге” охарактеризовано Ю. С. Степановым: “...Русские в нём — у себя дома, где они говорят как говорится, как скажется, как бог на душу положит, как они слышали от мамы и папы, от дедушки и бабушки, где им не нужно опасаться, что их «не так поймут» или не поймут вовсе” [Степанов 2001, 910].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин “русскоязычный” в работах социолингвистов трактуется по-разному, например, так: “Говоря о «русскоязычии», мы прежде всего должны думать о его «носителях» — т.е. о тех людях, для которых русский язык не является их этническим языком, но «дан» им как второй язык, — иначе говоря, билингвах. Понимая «русскоязычие» таким образом, мы поступаем правильно, т.к. говорящих по-русски билингвов значительно больше, чем «исконных» носителей русского языка, для которых он является родным, этническим и (часто) единственным их языком” [Позднякова].

В нашей статье русскоязычными называются не вообще владеющие русским языком граждане Литвы, а те, кто считает русский язык родным, но не обязательно этническим, и характеризует себя аналогично тому, как это сделала одна из участниц социолингвистического опроса, 45-летняя жительница Вильнюса: “Мама у меня полька, отец еврей, а родной язык русский”.

² Ранее некоторым аспектам восприятия родного языка русскоязычными жителями Литвы были посвящены статьи [Lichačiova 2009], [Бразаускаене, Лихачева 2011] и [Lichačiova, Markova 2014].

³ Во фрагментах из интервью заглавной буквой И обозначается исследователь, заглавной Р — респондент, в скобках после цитируемого фрагмента указывается пол респондента (М или Ж) и цифрой — его возраст.

ЛИТЕРАТУРА

- Бразаускаене Е. М., Лихачева А. Б., 2011: Русские в современной Литве: языковые практики и самоидентификация, *Диаспоры*, №1. Москва, 61–85.
- Позднякова Т. Ю.: *Русскоязычие и проблемы русскоязычной идентификации билингвов*. Доступ в Интернете: http://www.bilingual-online.net/index.php?option=com_content&view=article&id=831%3Aprobleme-der-selbsidentifizierung-der-bilingualen&catid=50%3Akabinet-psihologa&Itemid=47&lang=ru (8.05.2014).
- Попова З. Д., Стернин И. А., 2007: Лингвоконцептологическое описание концепта *русский язык*, in *Когнитивная лингвистика*. Москва, 232–296.
- Степанов Ю. С., 2001: *Константы: Словарь русской культуры*: Изд. 2-е, испр. и доп. Москва.
- Стернин И. А., 2005: Язык и национальное сознание, *Логос*, №4 (49). Москва, 156–171.
- Тавдгиридзе Л. А., 2005: *Концепт “Русский язык” в русском языковом сознании*. Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж.
- Lichačiova A., Markova S., 2014: Dovanota vertybė ar įsiūlytas paveldas? Lietuvos rusakalbių nuostatos gimtosios kalbos atžvilgiu, *Taikomoji kalbotyra*, № 4. Доступ в Интернете: <http://taikomojikalbotyra.lt/azalija.serveriai.lt/lt/2014/03/dovanota-vertybe-ar-isiulytas-paveldas-lietuvos-rusakalbiu-nuostatos-gimtosios-kalbos-atzvilgiu> (6.05.2014).
- Lichačiova A., 2013: Visagino sociolingvistinė specifika ir perspektyvos, in *Miestai ir kalbos II*. Vilnius, 185–216.
- Lichačiova A., 2010: Vilniaus ir Klaipėdos rusų ir rusakalbių tapatybės savivokos ypatumai, in *Miestai ir kalbos*. Vilnius, 125–151.
- Lichačiova A., 2009: Lietuvos rusų ir rusakalbių sąvokos *gimtoji kalba* suvokimas, *Kalbos kultūra*, №82. Vilnius, 253–258.
- Miestai ir kalbos*, 2010: Kolektyvinė monografija. Moksl. red. M. Ramonienė. Vilnius.
- Miestai ir kalbos II. Sociolingvistinis Lietuvos žemėlapis*, 2013: Kolektyvinė monografija. Moksl. red. M. Ramonienė. Vilnius.

Lietuvos statistikos departamentas, 2013: *Gyventojai pagal tautybę, gimtąją kalbą ir tikybą. Lietuvos Respublikos 2011 metų visuotinio gyventojų ir būstų surašymo rezultatai*. Доступ в Интернете: http://web.stat.gov.lt/uploads/docs/gyv_kalba_tikyba.pdf. (28.04.2014).

ALLA LIKHACHIOVA

**“What Your Parents Bequeathed You”:
Perceptions of the Russian Language by Native Russian-Speaking Citizens
of Lithuania**

The article, on the perceptions of the Russian language by native Russian-speaking citizens of Lithuania, is based on in-depth interviews conducted as part of the sociolinguistic projects “Language Use and Ethnic Identity in Lithuanian Cities” (2007–2009) and “A Sociolinguistic Map of Lithuania” (2010–2012). The perceptions of the Russian language by the interviewees in Lithuania are compared with analogous perceptions by native speakers in Russia that are discussed in the works of Russian researchers. The article contrasts the characteristics of the Russian language perceived by both categories of native speakers against those perceived by native Russian-speaking citizens in Lithuania alone. The attitudes towards the Russian language in Lithuania reflect the linguistic situation in the country and the “conscious” bilingualism of the native Russian-speaking interviewees. Although the respondents both in Russia and Lithuania claim that they value the aesthetic qualities of their mother tongue, in Lithuania the functional aspect of the Russian language is more emphasised. That is, for the Russian-speaking citizens of Lithuania the Russian language is significant and intimate in that it provides psychological comfort and the opportunity for more adequate verbal self-expression.

Key words: Russian language, sociolinguistic data, in-depth interviews, respondents, perception of the Russian language.

АЛА ЛИХАЧІОВА

**„Tai, ką tau kaip paveldą perdavė tėvai“:
Lietuvos rusakalbių rusų kalbos suvokimas**

Straipsnyje aptariamos Lietuvos rusakalbių gyventojų nuostatos rusų kalbos atžvilgiu. Šiuo tikslu analizuojami kokybinių apklausų duomenys, surinkti, vykdant mokslinio tyrimo projektus „Kalbų vartojimas ir tautinė tapatybė Lietuvos miestuose“ (2007–2009 m.) ir „Sociolingvistinis Lietuvos žemėlapis“ (2010–2012 m.). Duomenys apie Lietuvos rusakalbių rusų kalbos suvokimą gretinami su analogiškais duomenimis iš Rusijos, pristatomi Rusijos tyrėjų darbuose.

Pateikiami rusų kalbos vertinimai, aptinkami abiejų kategorijų respondentų atsakymuose, taip pat nagrinėjama Lietuvos rusakalbių rusų kalbos suvokimo specifika.

Lietuvoje atliktų giluminių apklausų analizė rodo, kad respondentų nuostatos rusų kalbos atžvilgiu yra nulemtos vietos sociolingvistinės situacijos ir „sąmoningos“ rusakalbių dvikalbystės.

Nors tiek Lietuvos, tiek Rusijos respondentai teigia, kad jie aukštai vertina estetines rusų kalbos savybes, Lietuvos rusakalbiai labiau pabrėžia funkcinis jų gimtosios kalbos bruožus. Nevienalytėje kalbinėje erdvėje gyvenantiems rusakalbiams jų gimtoji kalba tampa ypač svarbi ir artima, nes geriau negu kitos jų kalbinės aplinkos kalbos užtikrina psichologinį komfortą ir adekvatesnės verbalinės saviraiškos galimybę.

Reikšminiai žodžiai: rusų kalba, sociolingvistiniai duomenys, giluminiai interviu, respondentai, rusų kalbos suvokimas.

E-mail: a.li@takas.lt

Поступило в редакцию: 3 июня 2014 г.

Принято к печати: 21 июня 2014 г.